

РОСТОВО-ЯРОСЛАВСКИЙ
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

С О О Б Щ Е Н И Я
РОСТОВСКОГО МУЗЕЯ

ВЫПУСК VI

Ростов, 1994 г.

ББК 78.381

С 63

Сообщения Ростовского музея: Выпуск 6. —
Ярославль: Фонд гражданских инициатив «Со-
действие», 1994. — 256 стр.

С $\frac{4400070000-003}{M798 (03)-94}$ без объявл.

© Ростово-Ярославский архитектурно-художественный
музей-заповедник, 1994.

ISBN 5-85975-029-3

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ЗОДЧЕСТВА В РОСТОВЕ ВЕЛИКОМ

О. М. Иоаннисян, П. Л. Зыков, А. Е. Леонтьев, Е. Н. Торшин

С 1986 года в Ростове Архитектурно-археологической экспедицией Государственного Эрмитажа и Волго-Окской экспедицией Института археологии РАН проводятся исследования памятников древнерусского зодчества — церкви Бориса и Глеба и Успенского собора. Первая попытка археологического изучения этих памятников была предпринята в 1954—1955 годах Н. Н. Ворониным¹, однако исследования последних лет дали возможность не только существенно уточнить полученные им данные, но и привели к неожиданным открытиям.

Под 1214 годом Лаврентьевская летопись сообщает о том, что в Ростове была заложена церковь, посвященная святым Борису и Глебу². Строительство храма, по сведениям той же летописи, было завершено в 1218 году³. В сообщении о закладке храма говорится о том, что князь Константин Всеволодович заложил ее «на дворе своем», а Летопись Авраамки называет ее «платяной», т. е. «палатной», дворцовой⁴.

Время появления княжеского дворца в Ростове летописью не отмечается, однако, судя по контексту летописного сообщения о закладке церкви Бориса и Глеба можно предполагать, что к моменту возведения храма постройки, входившие в состав дворцового комплекса, уже существовали⁵. Возможно, постройку княжеского дворца Константина Всеволодовича в Ростове следует приурочивать к сведениям Лаврентьевской летописи о пожаре в Ростове в 1211 году⁶. По всей видимости, во время этого пожара был уничтожен старый, возможно, деревянный дворец ростовских князей, после чего могло начаться строительство нового, который должен был быть за-

вершен к 1214 году, т. е. к моменту начала строительства Борисоглебской церкви, заложенной князем, как мы уже видели, «на дворе своем».

Та же летопись сообщает, что в 1253 году церковь подверглась ремонту и была освящена епископом Кириллом⁷. Однако даже и в отремонтированном виде домонгольская церковь просуществовала недолго. Уже в 1287 году, по сообщению Никоновской летописи, была построена новая церковь взамен храма 1214—1218 годов⁸.

О дальнейшей истории этой постройки нам ничего неизвестно. Однако, рядом письменных источников и местных преданий зафиксировано, что остатки каких-то «княжских теремов» продолжали существовать в Ростове еще в первой половине XVIII века⁹.

В 1632 году через территорию княжеского двора прошла линия укреплений ростовской земляной крепости, а в 1761 году на месте древнего храма и княжеского двора была построена новая церковь Бориса и Глеба, рядом с которой еще год спустя, в 1762 году, была возведена церковь во имя Дмитрия Ростовского.

Найти остатки домонгольской Борисоглебской церкви впервые попытался в 1955 году Н. Н. Воронин¹⁰. Под южной стеной существующего ныне здания церкви 1761 года он заложил небольшой шурф, в котором был найден развал древнего кирпичича-плинфы. В то же время, ни фундаментов, ни остатков стен Борисоглебской церкви 1214—1218 годов Н. Н. Ворониным обнаружено не было. Подтвердив факт существования на этом месте монументальной постройки, но не обнаружив от нее ничего, кроме развала, Н. Н. Воронин высказал предположение, что при строительстве 1761 года остатки домонгольской церкви были полностью уничтожены¹¹. Сведения же Никоновской летописи о возведении новой Борисоглебской церкви в Ростове в 1287 году не вызывали доверия исследователей, так как сама возможность строительства в Северо-Восточной Руси во второй половине XIII века после опустошительного монгольского нашествия казалась совершенно нереальной.

Новая попытка обнаружить остатки церкви Бориса и Глеба 1214—1218 годов была предпринята Архитектурно-археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1986 году. На этот раз работы были сосредоточены в интерьере существующего здания церкви 1761 года. В результате этих раскопок была обнаружена кладка более древней церк-

ви, начинающаяся прямо под полом существующего здания храма.

Исследования в интерьере церкви XVIII века велись на протяжении нескольких лет — с 1986 по 1991 год — и привели к неожиданным результатам (рис. 1). Во-первых, они показали, что обнаруженные руины не могут быть датированы домонгольским временем, а, во-вторых, выяснилось, что они сохранились под полом церкви 1761 года на значительную высоту. Оказалось, что под существующим зданием находятся не фундаменты или нижние части стен, а уцелевшие до уровня сводов стены древней постройки.

К таким выводам позволил прийти целый ряд наблюдений. О том, что открытый памятник не мог относиться к домонгольскому периоду истории древнерусского зодчества, прежде всего, говорит характер кладки его стен. Церковь была сложена в совершенно необычной для древнерусской архитектуры технике кладки из довольно мелких булыжников, пролитых известковым раствором без применения цемьянки. Такая кладка носит забутовочный характер и представляет собой, по сути дела, бетон. Снаружи забутовочная масса была облицована постелистыми блоками пористого известняка, которые, хотя и имели правильную форму, но были обработаны грубо и сохраняли неровную фактуру лицевой поверхности. Толщина этих блоков была не больше 15 см, что делало их совершенно не похожими на строительный материал белокаменных храмов Северо-Восточной Руси домонгольского времени. Облицовка стены сохранилась только на незначительном участке наружной поверхности фасада. Она была плохо переязана с забутовочной частью и отслаивалась при расчистке. Внутренняя же, забутовочная, часть стены была достаточно монолитной и, собственно, представляла собой осевой конструктивный массив кладки. Сложить такую кладку можно было только одним способом — применяя деревянную опалубку, следы которой и были обнаружены при раскопках. Они представляли собой пазы от сгнивших деревянных конструкций, проходивших прямо внутри массива кладки. Такая техника совершенно уникальна для древнерусского зодчества и пока не имеет аналогий ни в домонгольских постройках, ни в памятниках более поздней эпохи. Там, где кладка переходит от стен к сводам, ее характер меняется. На смену бутовой кладке из булыжника приходит кладка из постелистых блоков, приближающихся по форме к плите, а сами своды сложены из легкого пористого туфообразного белого камня. Пе-

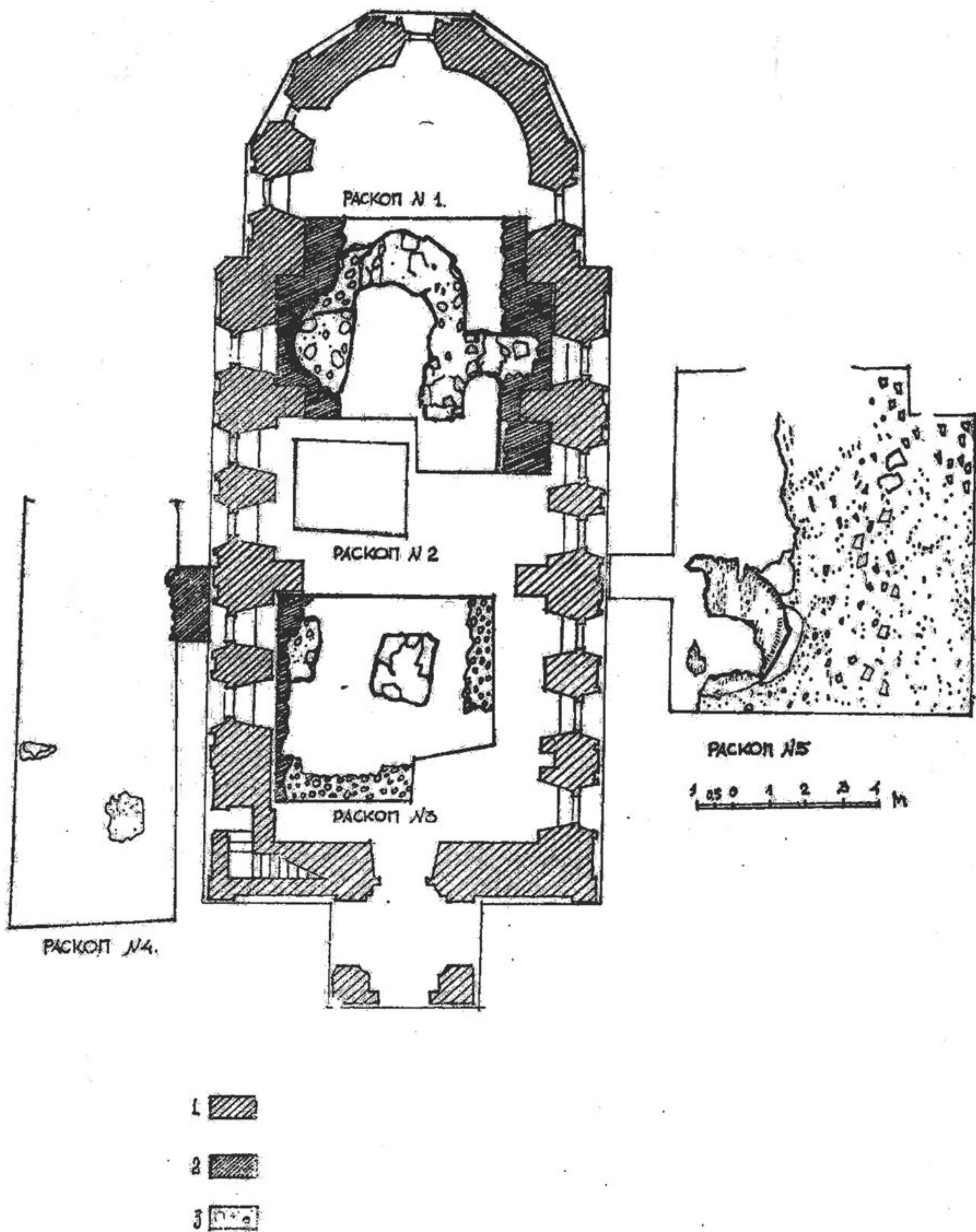

Рис. 1. Церковь Бориса и Глеба. Сводный план раскопок 1986—1993 гг.:
 1 — кладка XVIII в. 2 — фундамент XVIII в. 3 — кладка 1287 г.

речисленные особенности кладки и позволили предположить, что обнаруженные при раскопках руины относятся не к домонгольскому зданию, а к постройке 1287 года. Еще одним подтверждением этого является тот факт, что в забутовке стен и столбов исследуемого храма встречено большое количество мелких фрагментов фресок, происходящих, по-видимому, из еще более раннего здания, которым, очевидно, следует считать стоявшую на этом же месте Борисоглебскую церковь 1214—1218 годов. Не находит аналогий в домонгольском зодчестве и характер декоративной резьбы, о котором можно судить по найденному при раскопках резному белокаменному карнизному блоку (рис. 2). По всей видимости, остатки более древнего храма 1214—1218 годов находятся на значительно большей глубине. Судя по тому, что при раскопках находится довольно большое количество плинфы, можно предположить, что именно она служила строительным материалом для возведения домонгольской церкви.

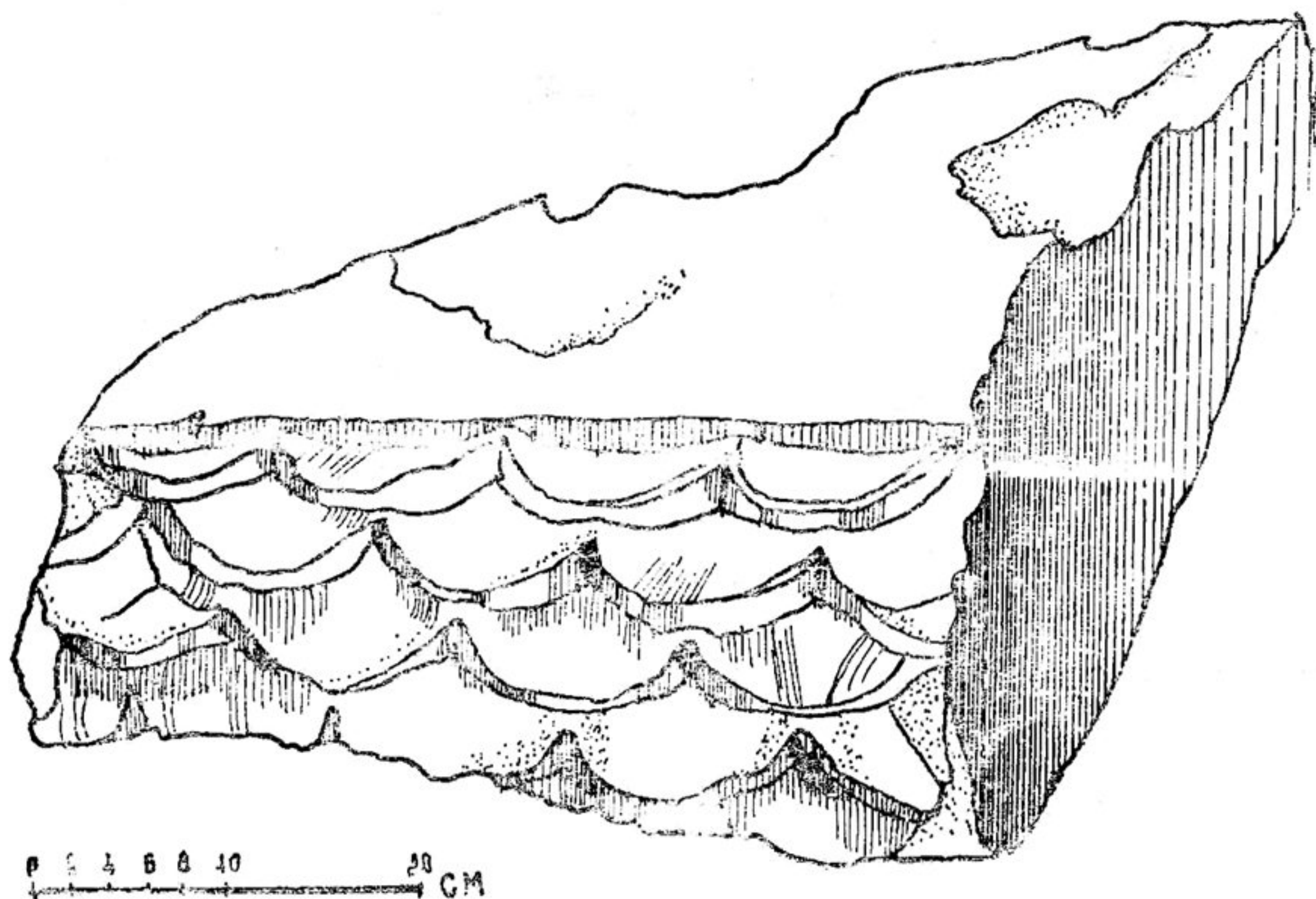

Рис. 2. Церковь Бориса и Глеба. 1287 г. Резной карнизный блок.

Церковь конца XIII века сохранилась на уникальную для археологического объекта высоту. Ее кладки начинаются практически сразу под уровнем пола существующей церкви

XVIII века. Этот уровень не соответствует дневной поверхности XIII века, так как церковь 1761 года была построена уже на гребне вала земляной крепости, насыпанной в начале XVII столетия — в 1632 году, и, таким образом, уровень дневной поверхности 1287 года должен находиться значительно ниже.

Кроме того, обнаруженные кладки храма 1287 года опускаются не вертикально вниз, а с наклоном и по кривой. Кривая, которую они образуют, свидетельствует о том, что здесь мы сталкиваемся не со стенами, а с пробитыми сводами древней постройки. При исследованиях были прослежены также остатки и пяты сводов северной и южной сторон центральной апсиды, кладка, образующая ее конху и остатки южного склона с пятой свода южного нефа храма конца XIII века (рис. 3).

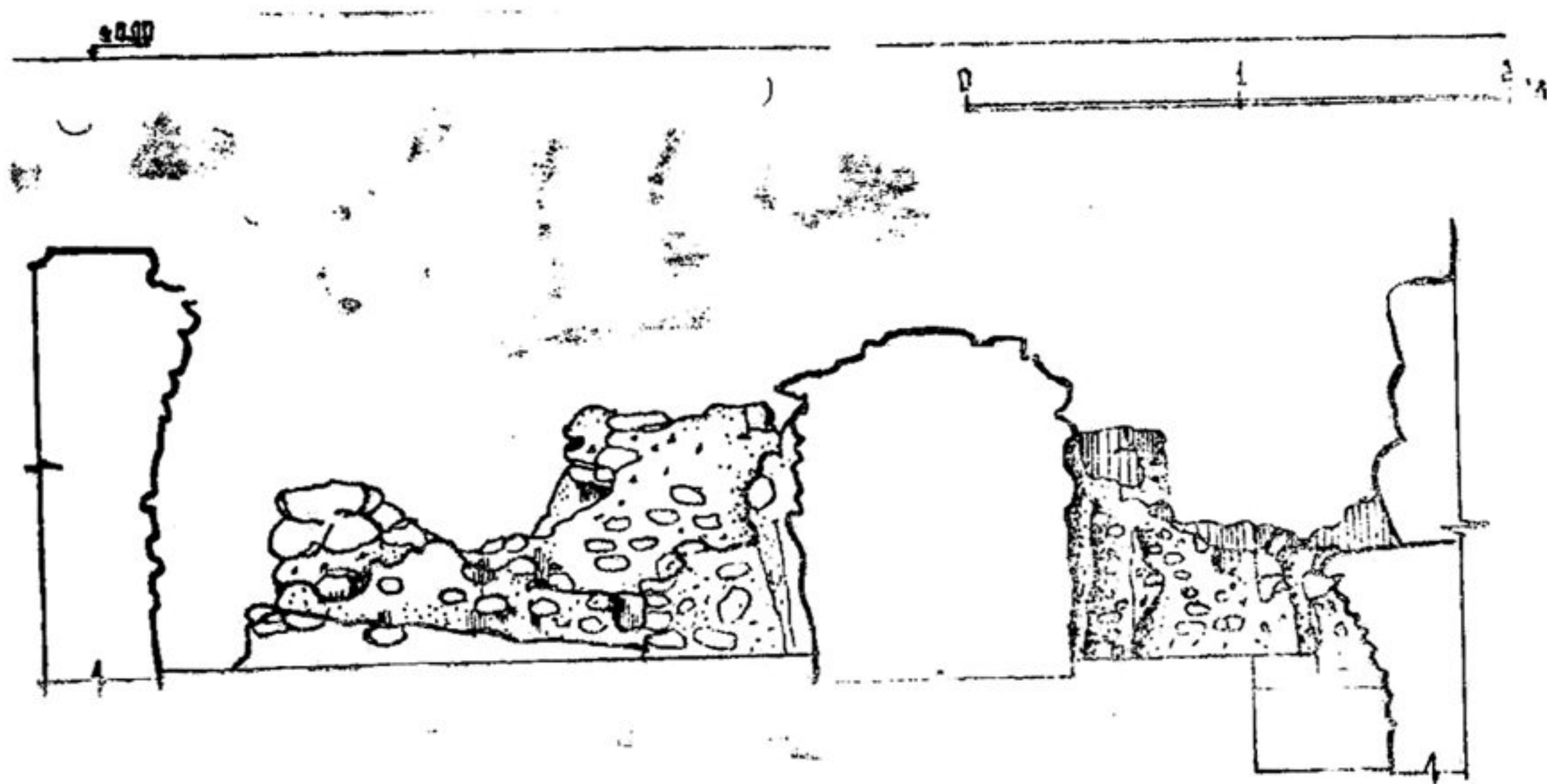

Рис. 3. Церковь Бориса и Глеба. 1287 г. Поперечный разрез по алтарной части с видом на восток.

В ходе исследований 1986—1991 годов в интерьере Борисоглебской церкви 1761 года был вскрыт максимально возможный объем остатков храма 1287 года. Были прослежены западная пара столбов, центральная и южная апсиды и часть южного нефа этого храма. Полностью раскопать этот памятник пока, к сожалению, невозможно, так как фундаменты церкви XVIII века в ряде мест на значительном протяжении опираются непосредственно на стены и своды древнего здания, причем нижняя отметка фундаментов XVIII века на-

ходится значительно выше того уровня, который бы обеспечивал полное вскрытие древней постройки без угрозы разрушения существующего здания. В то же время, уже исследованные участки древней кладки дают возможность реконструировать плановую структуру храма конца XIII века (рис. 4, 5). Он представлял собой четырехстолпный объем с одной, выраженной в экстерьере здания апсидой. Боковые апсиды были устроены в толще восточной стены здания. Нефы храма были очень узкими — их составляет всего 0,95—1,00 м. Примечательно, что зенит свода южного нефа древней постройки оказался значительно ниже зенита свода ее центрального нефа (см. рис. 3). Такая система сводов церкви 1287 года должна

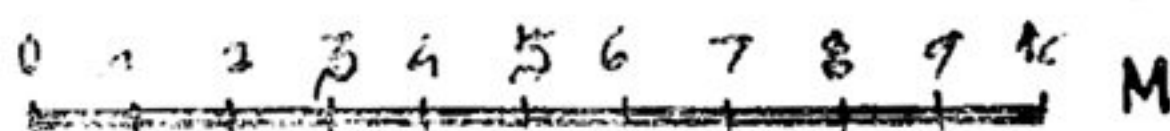
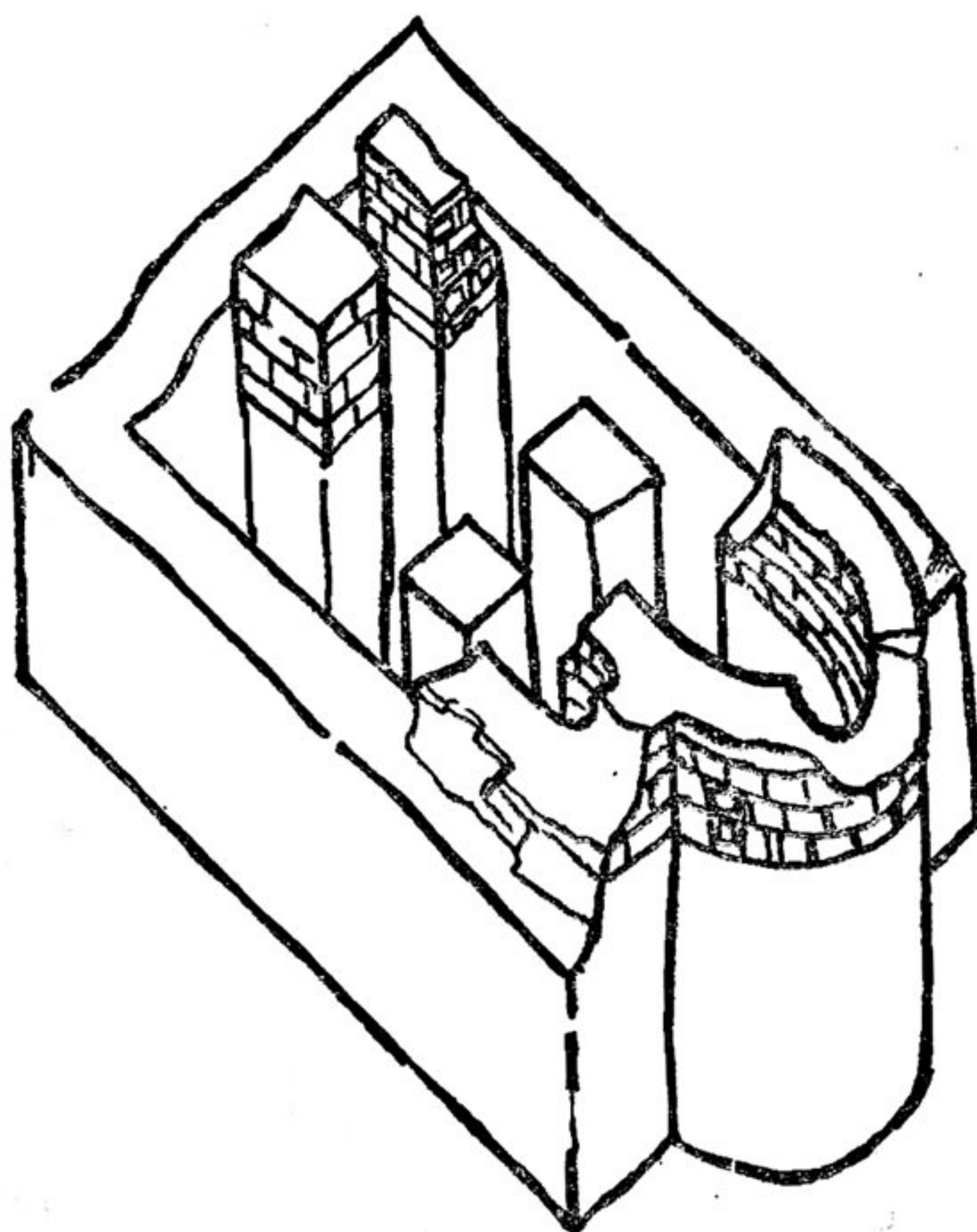

Рис. 4. Церковь Бориса и Глеба. 1287 г.
АксонOMETрическая реконструкция
сохранившейся части.

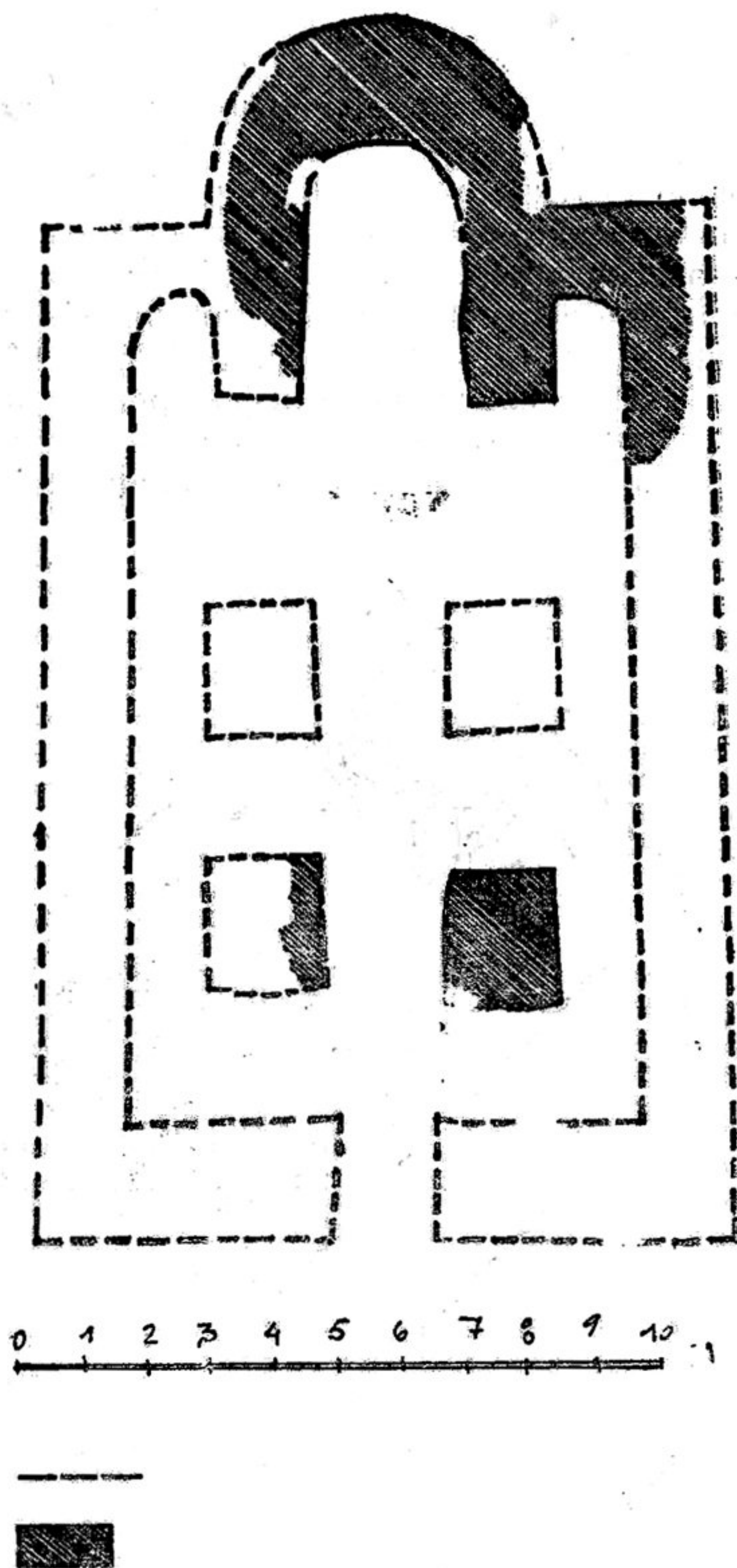

Рис. 5. Церковь Бориса и Глеба. 1287 г.

Реконструкция плана.

- 1 — реконструируемые части;
- 2 — сохранившиеся части.

была образовывать на фасаде трехлопастную композицию. Это обстоятельство дало возможность опровергнуть возникшее в ходе раскопок предположение о том, что мы имеем дело не с засыпанным на всю высоту древним зданием, а только с его подклетом. Трехлопастная система сводов в подклете была бы невозможна, так как в этом случае над боковыми нефами подклета, перекрытыми пониженными четвертными сводами, возникали бы огромные пазухи, на которые нельзя было бы опирать основной, верхний, ярус здания.

Раскопки показали, что оси храмов 1287 и 1761 годов не совпадают. Остатки древней церкви находятся в интерьере здания XVIII века лишь частично. Северо-западная часть храма 1287 года выходит за пределы постройки 1761 года и может быть прослежена при раскопках снаружи существующего здания.

В 1991 году возможности дальнейшего расширения и углубления раскопов в интерьере церкви XVIII века были исчерпаны. Продолжение работ могло угрожать его конструктивной безопасности. Поэтому открытые части храма 1287 года были законсервированы, а раскопы в интерьере церкви 1761 года засыпаны. С целью обеспечить в дальнейшем возможность максимально полного вскрытия древнего памятника при сохранении существующего здания в том же 1991 году был разработан эскизный проект музеефикации комплекса, включивший в себя и подготовку начальных расчетов и проектные предложения по вывешиванию существующего здания на стоечно-балочной свайной конструкции.

Наряду с работами в интерьере Борисоглебской церкви XVIII века исследования проводились и снаружи существующего здания. Раскоп к северу от него (раскоп № 4) выявил горизонт кладбища конца XVII — начала XVIII века (рис. 1), хорошо датируемого по нательным крестам, найденным в погребениях. По данным стратиграфии это кладбище полностью прекратило свое существование после постройки нового храма в 1761 году. Под слоем кладбища начали проследиваться плинфяные и белокаменные развалы, однако дальнейшее углубление раскопа могло создать опасность для стоящего рядом здания Борисоглебской церкви XVIII века, поэтому раскоп был законсервирован на уровне верхней части горизонта развалов и засыпан. Работы на нем могут быть продолжены только после проведения мероприятий по вывешиванию на сваях здания XVIII века, предусмотренных проектом, о котором говорилось выше.

С 1988 года работы стали проводиться только на территории к югу от существующего здания на участке вала 1632 года, непосредственно примыкающем к южной стене Борисоглебской церкви 1761 года. Они начались с траншеи, заложённой с целью прорезки вала, на котором стоит существующее здание храма. Прорезка вала показала, что уже к моменту постройки в XVII веке земляной крепости здесь существовало довольно возвышенное место. Строители вала 1632 года лишь придали регулярные очертания этой возвышенности, сформировав гребень вала.

Под насыпью вала была обнаружена разрушенная деревянная постройка, представлявшая собой прямоугольную клетку, пол которой был сооружен из параллельных лаг. В северной ее части был открыт развал печи из плохо обожжённого, почти сырцового кирпича. Внутри печи находились два раздавленных чернолощенных сосуда. Вокруг постройки и внутри нее было найдено большое количество деревянных плах и бревен, лежащих без какого-либо порядка. Эта постройка хорошо датируется кладом серебряных монет царя Михаила Федоровича Романова, обнаруженным в том же горизонте в непосредственной близости от нее. Время функционирования постройки должно приблизительно совпадать со временем сокрытия клада, которое совершенно точно укладывается в довольно узкие хронологические рамки между 1613 годом (годом вступления на престол Михаила Федоровича) и 1632 годом, когда остатки этой постройки оказались погребенными под насыпью вала. В этом же горизонте была найдена створка креста-мощевика с изображением Распятия, датируемая концом XVI века.

Под горизонтом постройки на уровне, соответствующем уровню сводов храма 1287 года, был обнаружен участок рухнувшей стены, сложенной из плинфы.

В 1989—1991 годах траншея была расширена в западном и восточном направлениях и превращена в раскоп (раскоп № 5), в настоящее время достигающий площади 76 кв. м. В 1991—1993 годах на всей площади раскопа были пройдены слои насыпи вала 1632 года и горизонт построек начала XVII века. В северной части раскопа под ними находится горизонт кладбища, при раскопках которого было прослежено несколько десятков погребений. Все кладбище занимает очень небольшую площадь. Погребения расположены вплотную друг к другу, а некоторые лежат в несколько ярусов одно над другим. Сидя по тому, что наряду с погребениями просле-

жены и бесформенные скопления человеческих костей, погребения нередко впускались одно в другое, в результате чего при рытье новых могил уже существовавшие погребения разрушались, образуя эти скопления. Все погребенные, как и полагается на христианском кладбище, ориентированы по оси запад-восток и были похоронены в деревянных гробах, прослеживающихся только в виде древесного тлена. Каких-либо предметов в погребениях найдено не было. Исключением является только монета, обнаруженная в засыпке одного из погребений. Монета побывала в огне и сильно разрушена, однако поддается определению и датировке — она датируется XVI веком и относится ко времени Ивана Грозного (до 1547 года)¹². По всей видимости, это кладбище функционировало на протяжении XVI века, однако к началу XVII века оно уже прекратило свое существование и в 1632 году, так же, как и расположенная рядом постройка, оказалось погребенным под насыпью вала.

Раскоп, как и траншея разреза вала, показал, что могильные ямы погребений описываемого кладбища пробивают слой строительного развала, состоящий из плинфы, кусков цемяночного раствора, блоков и отесков пористого известняка, а, частично, и рухнувшую стену, сложенную из плинфы на цемяночном растворе, часть которой была прослежена еще в траншее 1988 года. Стена эта представляла собой облицовочную часть кладки люнета закомары какой-то древней постройки (рис. 1). В отличие от церкви 1287 года это здание было сложено из плинфы на классическом для домонгольского зодчества известково-цемяночном растворе. Забутовочная часть кладки, небольшой фрагмент которой уцелел на внутренней стороне лицевой поверхности закомары, представляла собой мелкий булыжник и обломки плинфы, утопленные в массу цемяночного раствора. В то же время, часть забутовки имела иной характер. На отдельных участках кладки здесь наряду с плинфой был употреблен пористый известняк и использован другой раствор (без примеси цемянки). Эти участки носят характер явных вставок в забутовку и, по всей видимости, появились в результате каких-то ремонтных работ, которым подвергалось сооруженное еще в домонгольское время здание.

Итак, в раскопе к югу от Борисоглебской церкви XVIII века мы сталкиваемся уже не с храмом 1287 года, а с остатками какой-то другой постройки, относящейся, судя по технике кладки и строительным материалам, к домонгольскому времени, но ремонтировавшейся в более позднюю эпоху. По-ви-

димому, найденная стена первоначально принадлежала церкви Бориса и Глеба 1214—1218 годов, однако, после ее разрушения и постройки в 1287 году нового храма, руины домонгольского здания были включены в состав какой-то другой постройки. Ряд наблюдений позволяет сделать вывод о том, что эта постройка в течение длительного времени существовала одновременно с церковью 1287 года и разрушилась в одно и то же время, что и она.

На то, что в течение какого-то времени церковь 1287 года и постройка, которой принадлежала рухнувшая стена из плинфы, существовали одновременно, указывает и уровень, на котором лежат сама стена и слой ее разрушения. Практически он совпадает с уровнем пят сводов церкви 1287 года. Это говорит о том, что разрушение обоих зданий происходило одновременно и даже позволяет предположить, что под упавшей стеной в земле скрыты остатки более нижних частей постройки, которой принадлежит рухнувший люнет закомары.

Если вспомнить о том, что Борисоглебская церковь была «платяной», то есть дворцовой, вполне можно предположить, что упавший люнет закомары является фрагментом одного из зданий дворцового комплекса ростовских князей, хотя первоначально и входил в состав стены Борисоглебской церкви 1214—1218 годов.

Скорее всего, лицевая поверхность упавшего люнета была обращена в интерьер этой постройки. Такое предположение основывается на том, что по краю лежащей лицом вниз кладки из плинфы повсюду виден тонкий слой плотной белой штукатурки, поверхность которой тщательно заглажена и в некоторых местах имеет отпечатки, напоминающие след кисти. В таком случае, развал, прослеживаемый к югу от упавшей стены, может скрывать под собой интерьер засыпанной постройки.

Учитывая возможную датировку кладбища, погребения которого уже были опущены в развал упавшей стены и частично разрушили сам фрагмент люнета, можно попытаться определить и время, когда церковь 1287 года и примыкавшая к ней более ранняя постройка перестали существовать и оказались засыпанными. Как мы уже видели, наиболее вероятным временем существования кладбища является XVI век. По всей видимости, разрушение и засыпка церкви здания рядом с ней произошли незадолго до возникновения кладбища, то есть в конце XV или в начале XVI века.

Таким образом, исследования 1986—1993 годов в интерьере церкви Бориса и Глеба 1761 года и около нее позволили открыть уникальный памятник древнерусской архитектуры — Борисоглебскую церковь 1287 года. Эта постройка относится к практически неизвестному периоду в истории зодчества — архитектуре Руси после монгольского нашествия. Исследуемый памятник является на сегодняшний день самым ранним из изученных послемонгольских построек Северо-Восточной Руси. Другим важным итогом нескольких лет археологических раскопок является обнаружение остатков еще одной постройки, что делает весьма возможным открытие на этом месте не только фундаментов или кладок церкви Бориса и Глеба 1214—1218 годов, но и следов более сложного архитектурного ансамбля, располагавшегося некогда на дворе князя Константина Всеволодовича в Ростове. Учитывая уникальную для археологических объектов сохранность этого ансамбля, в дальнейшем, после проведения комплекса архитектурных и инженерно-реставрационных мероприятий на этом месте может возникнуть интереснейший музейный комплекс, в состав которого должны будут войти памятники разных эпох — с XIII по XVIII столетие.

Исследования Успенского собора начались в 1992 году в связи с работами по прокладке дренажа у здания собора и подготовкой его к эксплуатации в качестве действующего храма. Сперва они носили характер археологического надзора, а в 1993 году приобрели планомерный характер (рис. 6).

Первое здание собора появилось на этом месте еще в конце X века, когда в 991 году в Ростове была построена церковь «от древес дубовых»¹³, о которой летописец восторженно писал, что она была «толико чудна, якова не бывала и потом не будет»¹⁴. В 1160 году «великая дубовая церковь» погибает в огне большого пожара¹⁵, и на ее месте князем Андреем Боголюбским в 1161 году закладывается белокаменный собор, строительство которого было завершено в 1162 году¹⁶. Однако и этот собор простоял недолго. Спустя всего лишь 42 года — в 1204 году — он обрушился¹⁷, и в 1213 году князь Константин Всеволодович вновь начинает строительство Успенского собора «на первомь месте падшая церкве»¹⁸. Постройка этого собора растянулась на необычайно долгий для домонгольской строительной практики срок — 18 лет — и была завершена лишь в 1231 году¹⁹. Собор XIII века простоял значительно дольше своего предшественника, однако спустя 177 лет, в 1408 году, его постигла та же участь: про-

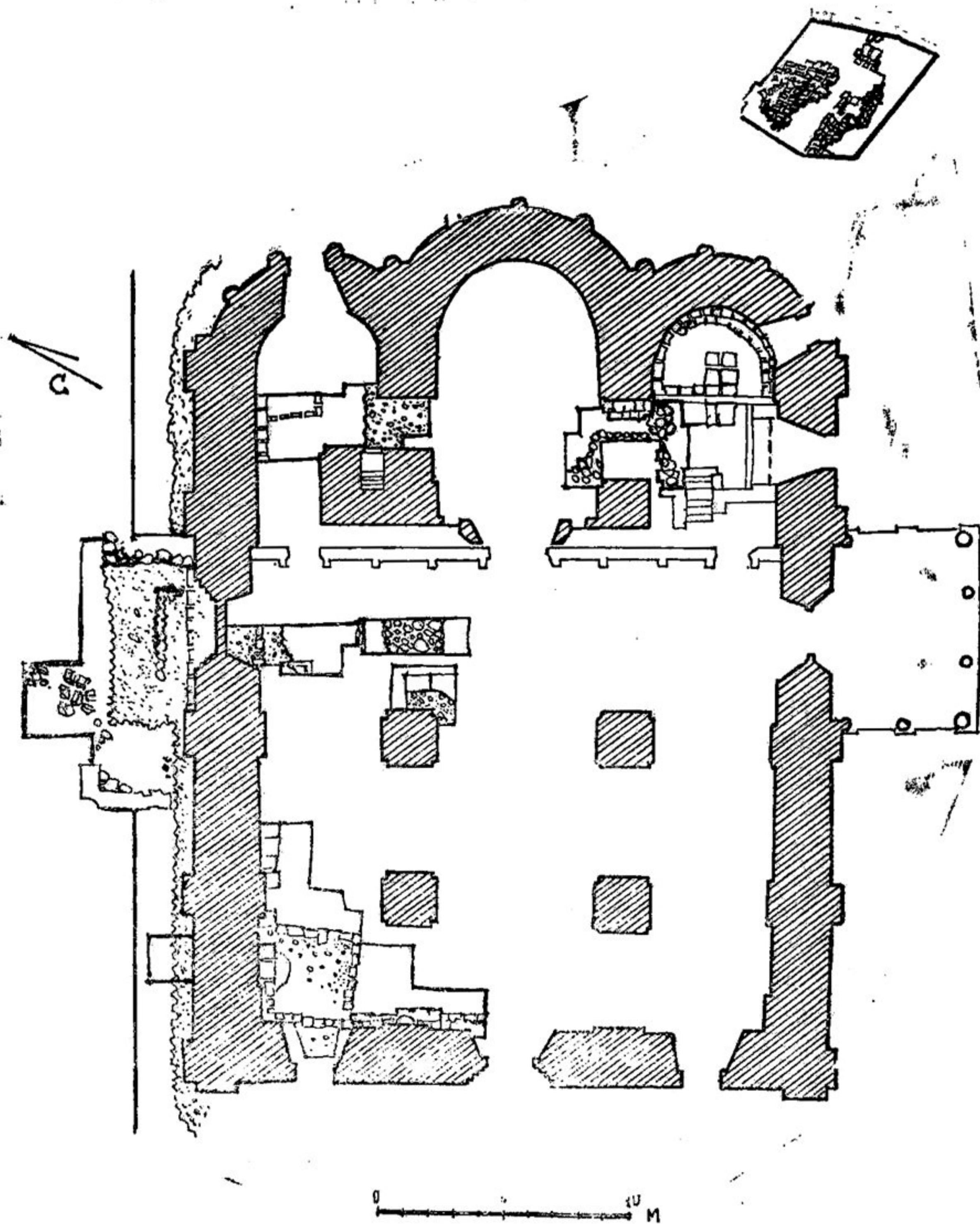

Рис. 6. Успенский собор. Сводный план раскопок 1954 и 1992—1994 гг.

изошла катастрофа, в результате которой рухнули купола, барабаны и своды здания, хотя стены его остались целы²⁰. В 1411 году епископ Григорий восстанавливает разрушенные части собора, и в таком виде здание живет до того момента, когда оно в очередной раз полностью перестраивается и сме-

няется новым зданием собора, существующим и поныне. К сожалению, письменные источники ничего не сообщают ни о разрушении собора XIII—XV веков, ни о постройке нового, поэтому датировка его оставалась открытой и относилась различными исследователями к разным датам — с конца XV (Б. Н. Эдинг, В. С. Баниге, С. В. Бессонов)²¹ по вторую половину XVI века (Н. Н. Воронин)²².

Первая попытка проведения археологических исследований в соборе относится еще к 1884 году, когда были предприняты поиски древней усыпальницы ростовских князей, которая, судя по летописным известиям, находилась в соборе XIII века²³. Первые научные раскопки были проведены в соборе в 1939 году и в 1954 году Н. Н. Ворониным²⁴. В итоге этих исследований удалось установить, что при последней перестройке собора его строители, сохранив контур и даже нижние ряды квадратной кладки предшествующих зданий, значительно усилили фундамент нового здания, приложив его с наружной стороны собора к сохранившимся кладкам стен и фундаментов более ранних соборов. Таким образом, остатки древних соборов по всему периметру здания оказались заключенными в обойму, которую образовал фундамент нового собора. Поэтому раскопки с наружной стороны здания не выявляют никаких кладок, кроме фундамента существующего здания²⁵.

В то же время, внутри собора под нынешним полом из чугунных плит по всему периметру здания прочитываются не только фундаменты, но и нижние ряды кладок соборов XII и XIII веков. В южной апсиде собора, выполняющей функции придела со самостоятельным приделом, посвященным Леонтию Ростовскому, и в северо-западном углу собора в 1954 г. были заложены два шурфа, в которых ниже уровня современного чугунного пола по периметру стен существующего здания была выявлена система квадратных кладок, которые были интерпретированы Н. Н. Ворониным следующим образом:

1) три ряда кладки из квадров белого камня высотой 27—30 см каждый, принадлежащие цоколю существующего здания собора;

2) под ней еще один ряд кладки из постелистых блоков белого камня, отнесенный исследователем к кладке собора XIII века;

3) и еще ниже — три ряда кладки из хорошо тесаных квадров белого камня высотой 40 см каждый, сложенных на

известковом растворе с очень тонкими швами. На лицевой поверхности этих квадров сохранились остатки древней фресковой росписи. Эта кладка была отнесена Н. Н. Ворониным к XII веку и, таким образом, к первому белокаменному собору на этом месте, возведенному Андреем Боголюбским²⁶.

Исследования 1992—1994 годов существенно откорректировали эти выводы Н. Н. Воронина. Оказалось, что:

1) верхние три ряда квадратной кладки и лежащий под ними ряд, сложенный из постелистых блоков, относятся не к разным, а к одному и тому же строительному периоду и, таким образом, цоколь существующего здания собора имел не отвесный, а уступчатый профиль;

2) кладка из хорошо тесаных квадров белого камня высотой 40 см с остатками фресковой росписи на лицевой поверхности отвечает уровню пола собора XIII века и принадлежит зданию, возведенному в 1213—1231 годах;

3) непосредственно под ней была выявлена еще одна квадратная кладка, отвечающая еще одному уровню пола собора, ниже которого уже начинается не стеновая, а фундаментная кладка. Именно эти пол и кладка и относятся к собору 1162 года.

Перейдем теперь к краткой характеристике каждой из трех фаз строительной истории собора, начиная с ныне существующего здания.

Как мы уже видели, стоящий ныне в Ростове Успенский собор не имеет зафиксированной письменными источниками даты строительства, и поэтому время его строительства определялось разными исследователями в очень широком хронологическом диапазоне с конца XV по конец XVI (и даже вторую половину XVII) века. В то же время некоторыми исследователями отмечалась поразительная близость некоторых архитектурных форм Успенского собора в Ростове собору Хутынского монастыря в Новгороде²⁷, заставляющая предполагать хронологическую близость этих двух памятников и даже принадлежность их к творчеству одной и той же группы мастеров. Наиболее аргументированно эта точка зрения была изложена А. Г. Мельником, напрямую связавшим эти два памятника с деятельностью одного мастера и определившим дату ростовского собора в промежутке между 1508 и 1512 годами²⁸. Исследования 1992—1994 годов подтвердили эти наблюдения и, более того, выявили почти полную идентичность не только архитектурных форм, но и многих конструктивных особенностей и строительных приемов, применен-

ных в этих двух памятниках. Результаты этих исследований не дают никаких оснований сомневаться в том, что Ростовский и Хутынский соборы возведены одними и теми же мастерами и, следовательно, должны датироваться очень близким временем. В отличие от Успенского собора в Ростове, собор Хутынского монастыря имеет летописную дату — он был построен в 1515 году. Сравнительный анализ этих двух памятников показывает, что целый ряд приемов и форм, использованных создателями Хутынского собора, носит явно вторичный характер по отношению к собору в Ростове, (высокие подпольные цоколя, кладка фундамента, выполненная в несколько захваток с последовательной проливкой всего внутреннего пространства собора внутри этих фундаментов мощными известковыми заливками, белокаменный портал, столь несвойственный для новгородского зодчества), и таким образом, собор в Ростове должен хронологически предшествовать новгородскому памятнику. В то же время, и тот и другой соборы не могли появиться раньше завершения Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля, которые они во многом откровенно копируют. Таким образом, время постройки Успенского собора в Ростове должно укладываться в хронологические рамки между годом завершения Архангельского собора в Москве и годом начала строительства собора Хутынского монастыря в Новгороде, то есть между 1508 и 1515 годами.

В 1994 году при исследованиях на Успенской площади было найдено еще одно свидетельство теснейшей связи между ростовским и новгородским соборами — к югу от Успенского собора были раскопаны остатки центрической (полигональной в плане) постройки XVI века, представлявшей собой церковь типа «иже под колоколы», составлявшей с собором единый ансамбль. Остатки такой же (только не полигональной, а круглой в плане) центрической церкви типа «иже под колоколы» были открыты Вал. А. Булкиным в 1981 году к югу от собора Хутынского монастыря²⁹. Таким образом, создатели Хутынского монастыря повторили не только многие особенности Успенского собора в Ростове, но и общий композиционный замысел целого ансамбля.

При наблюдениях над устройством кольцевого дренажа вокруг здания собора непосредственно вокруг его фундаментов позволили установить отметку дневной поверхности на момент окончания строительства собора XVI века. Оказалось, что она находится на 1—1,5 м выше отметки дневной

поверхности, существовавшей на этом месте перед началом его возведения. Таким образом, верхняя часть его фундамента после завершения собора оказалась значительно выше отметки площади. Характер кладки фундаментной обоймы собора XVI века, по всему периметру окружившей нижние ряды стен соборов-предшественников, сохраненные строителями XVI века под основаниями стен нового здания, показывают, что это было сделано совершенно сознательно для того, чтобы поднять новое здание на своеобразный искусственный холм. Сохранившиеся по всему внешнему обрезу фундамента XVI века отпечатки мощных бревен свидетельствуют о том, что строители нового собора устроили специальную шпунтовую конструкцию по внешнему обрезу фундамента будущего здания, так как часть кладки его, заведомо выводимая выше отметки дневной поверхности должна была вестись открытым способом и могла быть сложена только при наличии опалубки, каковой и должна была служить шпунтовая конструкция из бревен. После завершения строительства собора выступавшая над поверхностью земли верхняя часть фундамента должна была быть засыпана, в результате чего собор оказывался поднятым над уровнем площади на довольно высокое возвышение. Впрочем, гидрологический шурф, пройденный в 1992 году группой геологов под руководством Е. М. Пашкина (в состав группы входили сотрудники кафедры инженерной геологии Московского геологоразведочного института О. В. Домарев и А. Е. Никифоров) под северной стеной собора до отметки основания его фундаментов, показал, что шпунтовая конструкция была устроена на всю глубину нового фундамента, нижняя отметка которого опущена до основания фундамента самого раннего из стоявших на этом месте каменных соборов — собора Андрея Боголюбского (1162 год). Таким образом, в обойму нового фундамента оказались заключенными не только остатки наземных стен соборов XIII и XII веков, но и фундаменты последнего, в результате чего собор XVI века получил невероятно мощный не только по глубине заложения, но и по ширине фундамент.

Другим важным результатом исследований Успенского собора XVI века явилось открытие фундаментов его северного притвора, дающее возможность считать, что такие же притворы находились и у южного и западного фасадов собора.

При исследованиях 1954 года в северо-западном углу собора Н. Н. Ворониным были обнаружены остатки какого-то белокаменного сооружения, устроенного в интерьере собора. Открытое им сооружение представляло собой белокаменную палатку с простым уступчатым цоколем, основание которого спиралось на уровень подготовки под пол из белокаменных плит³⁰. Этот пол легко отождествляется с полом из «дъсок каменных», устроенных в соборе епископом Григорием в 1411 году при восстановлении собора XIII века, пострадавшего во время катастрофы 1408 года³¹. Н. Н. Воронин отождествил найденные им остатки белокаменного сооружения с «судохранильницей» (сосудохранительницей), которая была создана в соборе тем же епископом Григорием при восстановлении собора XIII века³².

В 1993—1994 годах при раскопках в северной апсиде собора на том же уровне были обнаружены остатки еще одного белокаменного сооружения, сложенного из блоков, аналогичных тем, которые были использованы для сооружения, обнаруженного Н. Н. Ворониным в северо-западном углу собора. Нет никакого сомнения в том, что здесь мы сталкиваемся с каким-то сооружением, также относящимся к XV веку и связанным со строительной деятельностью епископа Григория. Известие Жития Леонтия Ростовского о восстановлении епископом Григорием собора XIII века после катастрофы 1408 года сообщает о том, что он не только восстановил рухнувшие своды и купола собора, но и устроил в нем новый каменный пол, а также упоминающуюся уже сосудохранительницу и «лесу камену», то есть лестницу³³. Сравнивая размеры и расположение обнаруженных при раскопках 1954 и 1993—1994 годов сооружений XV века, предложенную Н. Н. Ворониным интерпретацию открытой им кладки, по всей видимости, следует уточнить — сосудохранительницей следует считать сооружение, открытое в 1993—1994 годах в жертвеннике собора, где, собственно, и полагается быть такого рода помещению, а в 1954 году Н. Н. Ворониным были обнаружены, скорее всего основания «леса каменой», то есть лестницы, которая должна была выводить на хоры собора, поскольку лестница, существовавшая в соборе 1213—1231 годов, могла разрушиться при падении верхних частей собора в 1408 году. Расположение такой лестницы в одном из западных углов собора совершенно оправдано с точки зрения логики решения пространства интерьера соборного храма.

Шурф, заложенный под юго-западным подкупольным столбом собора, показал, что после разрушения сводов собора в 1408 году при их восстановлении в 1411 году столб был сложен целиком заново и под него был устроен новый фундамент

Наибольший объем информации в результате исследований 1992—1994 годов удалось получить о соборе XIII века (рис. 7). Раскопки в интерьере собора показали, что собор

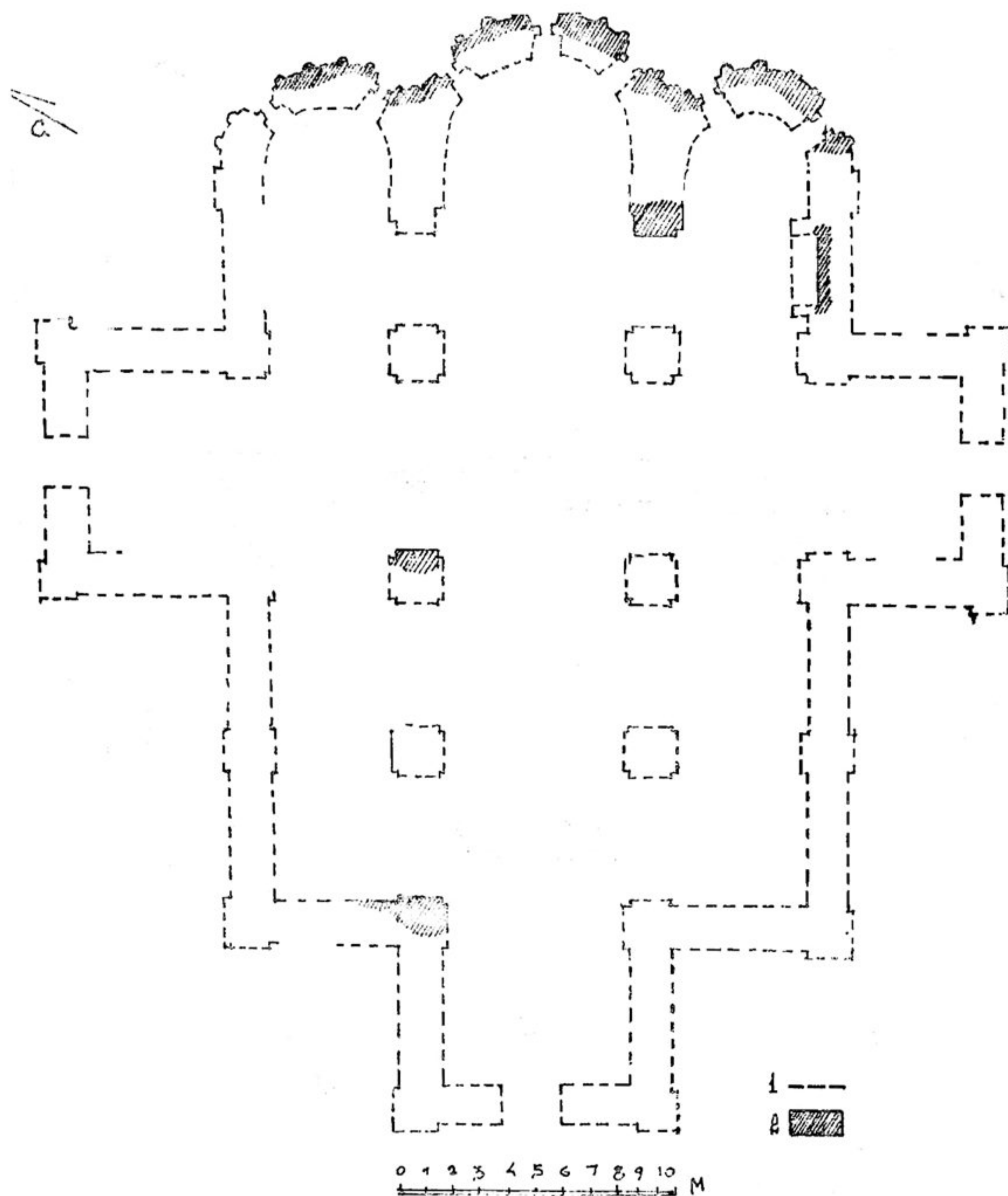

Рис. 7. Успенский собор. 1213—1231 гг.

Схематическая реконструкция плана:

1 — реконструируемые части; 2 — сохранившиеся части.

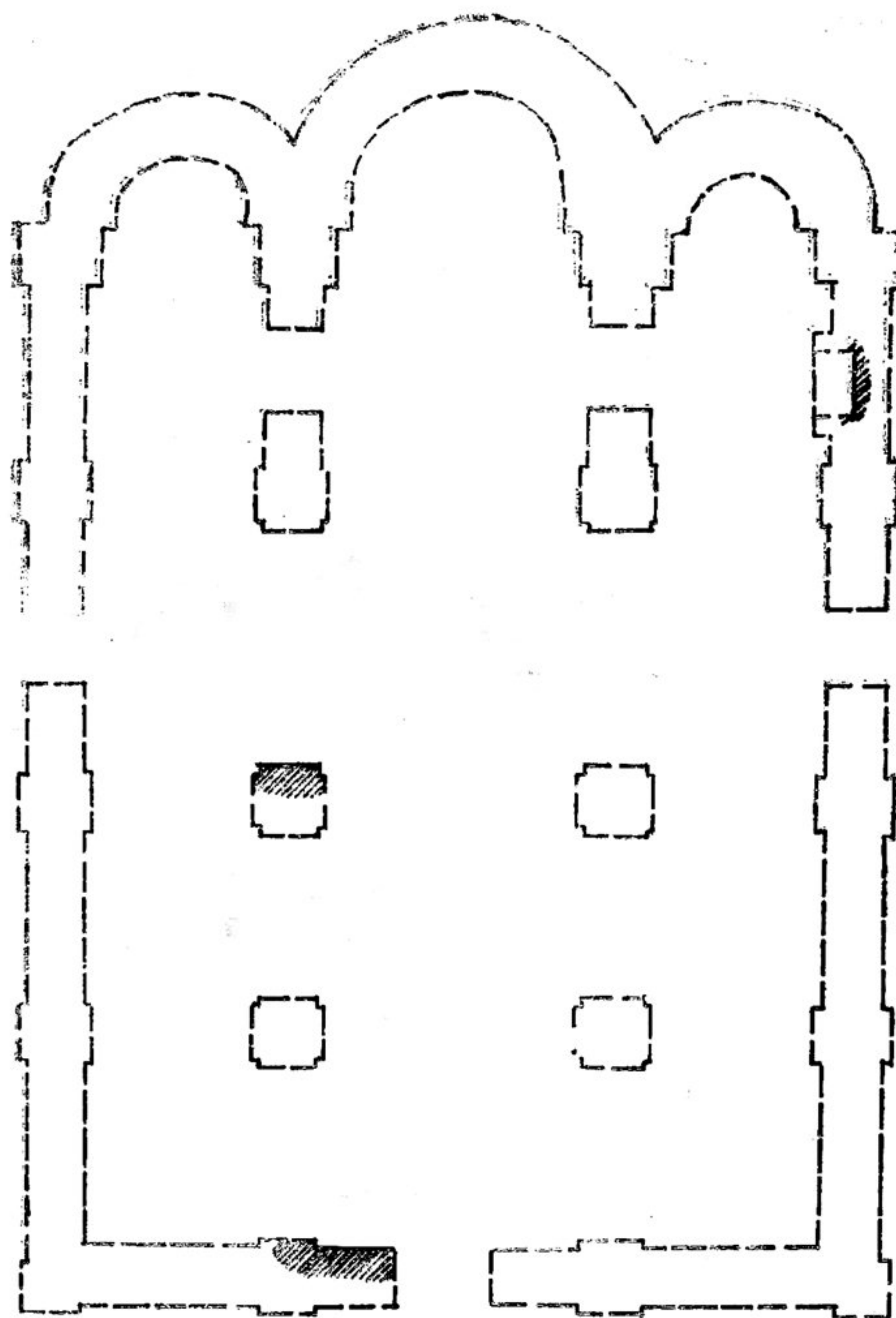

Рис. 8. Успенский собор. 1161—1162 гг.
 Схематическая реконструкция плана:
 1 — реконструируемые части; 2 — сохранившиеся части.

1213—1231 годов имел 3-х притворную схему, аналогичную другим белокаменным памятникам Северо-Восточной Руси первой половины XIII века (соборы в Суздале и в Юрьеве-Польском, церковь Михаила Архангела в Нижнем Новгороде). В то же время, периметральные стены собора XIII века повторяют трассу стен предшествующего здания — собора XII века, возведенного Андреем Боголюбским, и покоятся на их нижних рядах и фундаментах. В свою очередь, стены собора XVI века поставлены прямо на сохранившиеся ряды кладки XIII века. Таким образом, все три стоявшие на этом месте каменные соборы точно повторяли плановую структуру друг друга (за исключением притворов с западной, северной и южной сторон, которые были лишь у соборов XIII и XVI веков).

Со стороны интерьера собора XIII века удалось выявить участки стен, сохранившие значительные фрагменты орнаментальной фресковой росписи.

В раскопах на Успенской площади вокруг существующего здания собора были найдены большие участки рухнувших стен древнего белокаменного собора. Нет никаких оснований сомневаться, что они относятся к собору 1213—1231 годов. Описывая характер разрушения этого собора в 1408 году, летописцы упоминают лишь о падении завершающих частей здания — сводов («комар»), барабанов («шей») и куполов («лбов»), не говоря ничего о разрушении стен³⁴. Наиболее полно описывающая характер катастрофы Софийская I летопись прямо указывает на то, что стены собора XIII века при этом остались целы: «Паде верх ея и комары вси, развее остана олтарь цел и стены по комары остана и не падоша ...»³⁵. Отмеченная нами выше перекладка подкупольных столбов не противоречит этому летописному известию, так как разрушение венчающих частей здания неизбежно должно было повлечь за собой не только восстановление самих конструкций завершения, но и конструкций их опоры, то есть подкупольных столбов. Стены же древнего собора после его восстановления в 1411 году остались прежними и продолжали существовать вплоть до разрушения собора в начале XVI века. Таким образом, в раскопах на Успенской площади мы сталкиваемся со значительными частями стен собора XIII века, причем сохранность этих участков такова, что позволяет выполнить **натурную** реконструкцию верхних частей апсид и северной стены собора 1213—1231 годов, включая окна и композиции карнизов и аркатурно-колончатых

поясов (рис. 9). Характер последних весьма близок по композиции аркатурно-колончатому поясу Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, однако имеет и существенное от него и от других памятников северо-восточного зодчества начала XIII века отличие — все архитектурные детали, составляющие карнизы и аркатурно-колончатые пояса, не покрыты орнаментальной резьбой, подобно соборам в Юрьеве-Польском и Суздале, а совершенно гладкие, что сближает их более с памятниками Владимиро-Суздальского зодчества середины XII века.

Не менее выразительными оказались и интерьерные поверхности упавших апсид собора XIII века. На них сохранились весьма значительные участки фресковой росписи, однако относятся ли они к первоначальной росписи собора 1213—1231 годов или же были выполнены в XV веке после восстановления собора в 1411 году, без проведения дополнительных исследований сказать сложно, так как композиции этих участков росписей сильно поблекли и прочтываются с трудом.

При раскопках в северной апсиде был выявлен участок пола собора XIII века, сохранившийся в виде глиняной выстилки, на которой сохранились отпечатки некогда лежавших на них керамических поливных плиток квадратной формы. Обнаруженный участок позволяет реконструировать систему набора пола в этой части храма — плитки были уложены рядами, идущими в диагональном направлении по отношению к стенам здания. Выше уровня этой подготовки (но до уровня пола из каменных плит, датирующегося XV веком) и непосредственно на ней, но явно в смещенном состоянии были найдены и сами плитки. Для декорации плиток была использована полива 3-х цветов: желтого, зеленого и коричневого. Они стандартны по размерам, но различаются по способам формовки — одни из них имеют с тыльной стороны бортик по периметру, а другие совершенно плоские. По-видимому, в наборе этого пола были использованы не только плитки, изготовленные специально для него, но и плитки, происходящие из какого-то другого, скорее всего, более раннего пола. Судя по всему, прослеженный в северной апсиде собора участок пола XIII века относится не к первоначальному полу собора 1213—1231 годов, а к полу, устроенному в соборе в 1280 году епископом Игнатием³⁶. Небольшой участок первоначального пола собора 1213—1231 годов, также набранный из поливных керамических плиток квадратной формы,

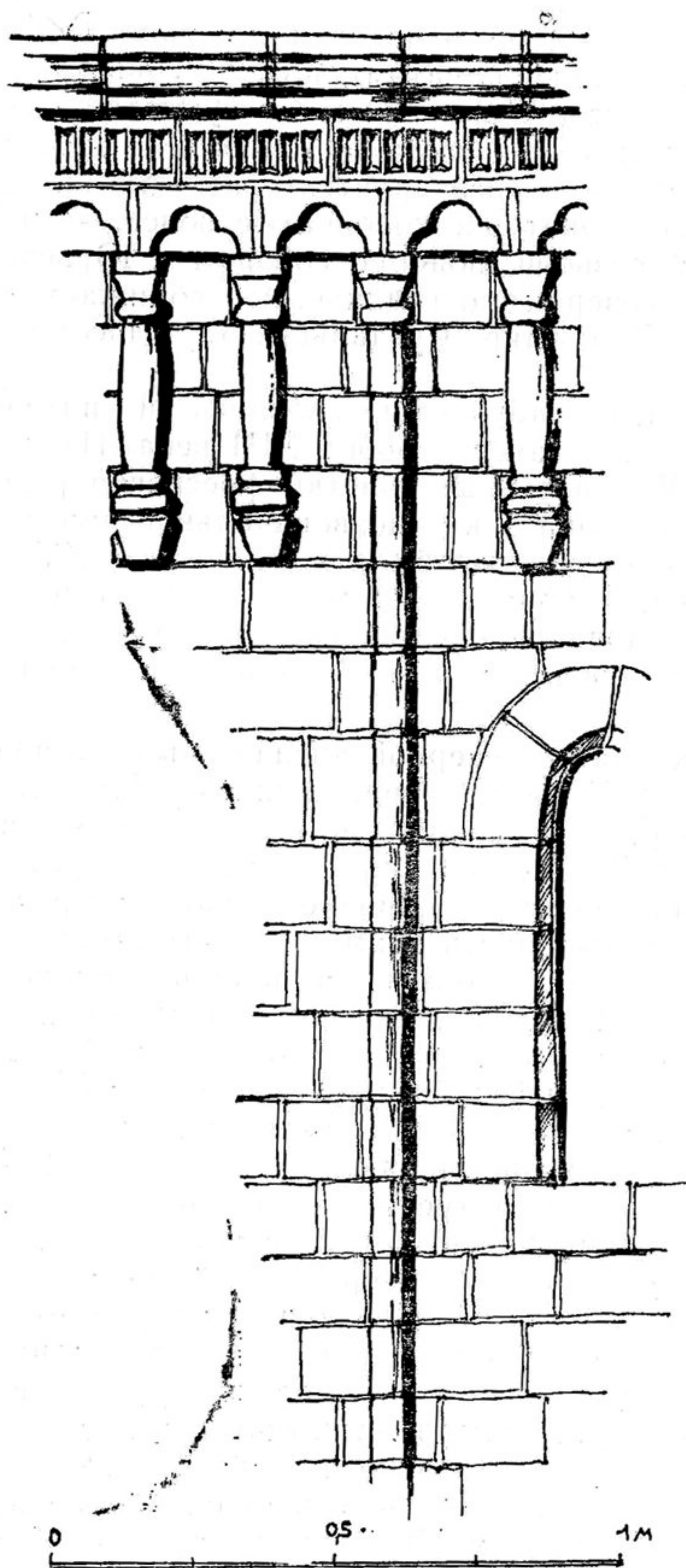

Рис. 9. Успенский собор.
Реконструкция фрагмента фасада южной апсиды
собора XIII—XV вв.

но не на глине, а на растворе, был обнаружен под полом 1280 года в северной апсиде прямо под северной стеной собора XIII века.

Как уже говорилось выше, Н. Н. Воронину не удалось дойти до кладок первого каменного собора — собора, построенного в 1162 году князем Андреем Боголюбским. То, что было принято им за кладку XII века, на самом деле оказалось стенами собора 1213—1231 годов. Кладка собора Андрея Боголюбского впервые была открыта в 1993 году в шурфе в интерьере собора под его западной стеной к северу от существующего портала. Она полностью совпадает с трассой северных стен соборов XIII и XVI веков, и лежит непосредственно под основанием стены 1213—1231 годов. Сохранилось всего два ряда этой кладки, один из которых является еще не стеновым, а нивелировочным, отделяющим фундамент собора XII века от его наземной кладки, а другой представляет собой самый нижний ряд собственно стеновой кладки, на лицевой поверхности которого сохранились остатки штукатурки с фресковой росписью, частично прикрытые еще одним древним полом собора, который и является полом собора Андрея Боголюбского, однако устроен он был не в 1162 году, сразу после постройки собора, а лишь после того, как собор был расписан. Роспись собора была выполнена только в 1187 году³⁷. Этим временем и следует датировать самый нижний из прослеженных в соборе полов.

Пол на этой отметке был прослежен и в других местах собора — в шурфах 1993—1994 годов под северо-западным подкупольным столбом и в 1992 году в южной апсиде собора (Леонтьевском приделе)³⁸. Учитывая это, а также то, что места расположения западной стены собора 1162 года, остатки кладки которой были прослежены при раскопках, пилястры на ней и фундамента северо-западного подкупольного столба XII века в точности отвечают расположению аналогичных конструкций позднейших соборов XIII и XVI веков, можно утверждать, что плановая структура и габариты собора 1162 года в точности повторяют плановую структуру и габариты сменявших его соборов (за исключением притворов, которые впервые появляются только у собора XIII века) (рис. 8).

Под западной стеной собора XII века в том же шурфе в интерьере был прослежен на всю глубину и фундамент собора Андрея Боголюбского, сложенный из булыжника на известковом растворе. Как мы уже видели, с внешней сто-

роны здания ни кладки, ни фундамент древних соборов прослежены быть не могут, так как на всю глубину они скрыты обоймой фундамента XVI века. Шурф до основания фундамента XII века в интерьере собора показал, что с внутренней стороны здания фундамент собора 1162 года служит одновременно и фундаментом всех последующих зданий, что подтверждает высказанное выше предположение о совпадении плановой структуры и габаритов всех трех каменных соборов.

Шурф 1994 года, заложенный к востоку от восточной грани северо-западного подкупольного столба, показал, что собор XII века имел систему продольных ленточных фундаментов, идущих по направлению линии столбов с запада на восток. Такая система фундаментов не применялась в других постройках Андрея Боголюбского, но была характерным приемом мастеров Юрия Долгорукова³⁹ и галицких зодчих первой половины XII века, из круга которых вышли первые строители Северо-Восточной Руси⁴⁰. Таким образом, Успенский собор, возведенный в Ростове в 1162 году Андреем Боголюбским, следует рассматривать в том же ряду, что и ранние галицкие памятники (церковь Иоанна в Перемышле, каменный храм в Звенигороде Галицком, церковь Спаса в Галиче) и первые белокаменные храмы Владимиро-Суздальской Руси, возведенные теми же мастерами по заказу Юрия Долгорукова (Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском, церковь Бориса и Глеба в Кидекше и церковь Георгия во Владимире). Ранее мы предполагали, что последней постройкой этой группы мастеров были построенные уже Андреем Боголюбским Золотые ворота во Владимире⁴¹, однако открытие ленточных фундаментов в Успенском соборе в Ростове Великом дает возможность включить в число последних построек этой артели и ростовский собор 1162 года. В то же время, следует предполагать, что над его созданием трудились не только мастера из старой артели, но и какая-то часть новых мастеров, полученных Андреем Боголюбским от Фридриха Барбароссы⁴². Об этом свидетельствует фрагмент базы архивольтной колонки XII века, найденный при раскопках 1994 года. В памятниках, возведенных артелью Юрия Долгорукова, такие детали не применялись, но получили широкое распространение в постройках новой артели Андрея Боголюбского (Успенский собор во Владимире, церковь Покрова на Нерли, Боголюбский замок).

К очень важным выводам позволили прийти наблюдения над стратиграфией слоев, залегающих в уровне конструкций основания собора XII века. Оказалось, что уровень материка, в который опущены нижние части фундаментов собора 1162 года, резко падает в северном направлении, и северная стена собора стоит на довольно крутом склоне. Учитывая это, строители Андрея Боголюбского предприняли планировку территории, произведя мощную подсыпку грунта. В эту подсыпку и опускается верхняя часть древних фундаментов собора.

В основании указанной подсыпки были прослежены следы пожара какой-то постройки. По всей видимости, мы сталкиваемся здесь с пожаром 1160 года, в огне которого погиб деревянный Успенский собор X века — «великая дубовая церковь». Следы строительства этого собора были прослежены еще ниже — в горизонте культурного слоя, предшествующего слою пожара 1160 года⁴³.

¹ Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова // Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Древний Ростов. Ярославль, 1958. Вып. 1. С. 4—25.

² ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стлб. 438.

³ Там же. Стлб. 442.

⁴ Там же. Т. XVI. СПб., 1889. Стлб. 53.

⁵ В Лаврентьевской летописи под 1214 годом о закладке Борисоглебской церкви в Ростове говорится буквально следующее: «Того же лета. Христолюбивый князь Константин заложи церковь камени Ростову, на дворе своем (разрядка наша — О. И., Е. Т., П. 3.), святою мученику Бориса и Глеба (ПСРЛ, т. 1. Стлб. 438).

⁶ «... загорелся град Ростов и погоре мало не весь... Константин же, христолюбивый благоверный князь, сын Всеволож тогда бе в Володимери оу отца, слышав беду створишюся на град его и на святых церквах и еха скоро Ростову и видев печаль бывшую мужей Ростовских ... (ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 435—436).

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 473.

⁸ Там же. Т. X. // ПСРЛ. Т. IX—X. М., 1965. С. 167.

⁹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. М., 1962. Т. 11. С. 59. Прим. 24.

¹⁰ Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных ... С. 19—20; он же. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. 11. С. 58—60.

¹¹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной ... Т. 11. С. 60.

¹² Определение монеты проведено В. А. Калининым.

¹³ ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856. С. 313—314; Т. XV, СПб., 1863. Стлб. 115.

¹⁴ ПСРЛ. Т. VII. С. 314; Т. XV. Стлб. 115.

- ¹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стлб. 351.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. IX. // ПСРЛ. Т. IX—X. М., 1965. С. 230; Т. XV. С. 233—235; Т. XX. Ч. I. СПб., 1910. С. 122; Т. XXI. Ч. I. СПб., 1908. С. 115.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. VII. С. 112.
- ¹⁸ ПСРЛ. Т. I. Стлб. 437.
- ¹⁹ Там же. Стлб. 459.
- ²⁰ Софийская I летопись сообщает: «паде верх ея и комары вси, развее остана олтарь цел и стены по комары остана и не падоша» (ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. Л., 1925. С. 267. См. также сообщения Типографской летописи («верх впаде у соборной церкви да две комары»), «Летописи о ростовских архиереях» («верх церковный провалился») и Жития Леонтия Ростовского («комары же великия падоша и лоб церковный позлаченный паде внутрь»). (ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 174; Летопись о ростовских архиереях. СПб., 1890. С. 8, прим. С. 14; Титов А. А. Житие св. Леонтия епископа ростовского. М., 1893. С. 20).
- ²¹ Эдинг Б. Ростов Великий, Углич. М., 1913. С. 52; Бессонов С. В. Ростов Великий. М., 1945. С. 7—8; Банниге В. Кремль Ростова Великого. XVI—XVII века. М., 1976. С. 62—66.
- ²² Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных ... С. 19.
- ²³ Титов А. А. Кремль Ростова Великого. М., 1912. С. 98; Раскопки и восстановление придела-храма св. Леонтия. Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных ... С. 24—25.
- ²⁴ Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных ... С. 4—25; Он же. Зодчество Северо-Восточной ... Т. I. С. 187—196; Т. II. С. 55—58, 307—310.
- ²⁵ Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных ... С. 9; Он же. Зодчество Северо-Восточной ... Т. I. С. 190.
- ²⁶ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной ... Т. I. С. 188—196; Т. II. С. 55—58.
- ²⁷ Ильин М. А. — в совместной работе: Ильин М. А., Максимов П. Н., Косточкин В. В. Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы // История русского искусства. М., 1955. Т. III. С. 282; Булкин В. А. К истории новгородского зодчества начала XVI в. // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л., 1972. С. 19; Петров Д. А., Седов В. В. Конструктивная типология новгородских крестовокупольных храмов XVI в. // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Краткие тезисы докладов к научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 51; Мельник А. Г. Новые данные об Успенском соборе Ростова Великого // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 125, 129—130.
- ²⁸ Мельник А. Г. Новые данные об Успенском соборе Ростова Великого. С. 125—135.
- ²⁹ Булкин В. А. Новые данные о постройках Хутынского монастыря и Гостиного двора в Новгороде // Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 10; Иоаннисян О. М. Храмы-ротонды в Древней Руси // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 113. Ил. 24.
- ³⁰ Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных ... Рис. 5; Он же. Зодчество Северо-Восточной ... Т. II. С. 307—309.
- ³¹ Титов А. А. Житие св. Леонтия епископа ростовского. С. 22.
- ³² Воронин А. А. Археологические исследования архитектурных ... С. 16; Он же. Зодчество Северо-Восточной ... Т. II. С. 308—309.
- ³³ Титов А. А. Житие св. Леонтия епископа ростовского. С. 22.

³⁴ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 174; Летопись о ростовских архиреях. С. 8, прим. с. 14; Титов А. А. Житие св. Леонтия епископа ростовского. С. 20.

³⁵ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. С. 267.

³⁶ ПСРЛ. Т. VII. С. 174.

³⁷ ПСРЛ. Т. I. Стлб. 406.

³⁸ Леонтьев Е. А. Археологические наблюдения в ростовском Успенском соборе // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1993. Вып. V. С. 169.

³⁹ Иоаннисян О. М. Исследования в Ярославле и Переславле-Залесском // Археологические открытия 1986 года. М., 1988. С. 59.

⁴⁰ Иоаннисян О. М. О раннем этапе развития галицкого зодчества // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1981. Вып. 164. С. 35—42; Он же. Церковь Спаса в Галиче — памятник первой половины XII века // Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1986. С. 102—109; Он же. Зодчество древнего Галича и архитектура Малопольши // Acta Archaeologica Carpatica, XXVII, Krakow, 1988. С. 185—191.

⁴¹ Иоаннисян О. М. О раннем этапе развития галицкого зодчества. С. 40—42; Он же. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XIII вв. // И. В. Дубов. Города, величием сияющие. Л., 1985. С. 146; Он же. Зодчество древнего Галича и архитектура Малопольши. С. 186; Он же. Основные этапы развития галицкого зодчества // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. М., 1988. С. 42.

⁴² Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси ... Т. I. С. 329—335; Иоаннисян О. М. Зодчество Северо-Восточной Руси. С. 154.

⁴³ Леонтьев А. Е. Археологические наблюдения в ростовском Успенском соборе. С. 170.